

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XI - XII ВЕКОВ

*Вахидова Нигора Абдузугурова
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самарканского государственного педагогического института;
Иzzатуллаева Мадина
студентка 3 курса факультета языков
Самарканского государственного педагогического института.*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию процессов становления и развития русского летописания в XI–XII веках. Автор анализирует переход от устной исторической традиции к систематической письменной фиксации событий, рассматривая летопись как уникальный синкретический жанр, объединяющий элементы хроники, жития, поучения и правового документа. В работе подробно исследуются этапы формирования «Повести временных лет», роль личности летописца (прежде всего Нестора), а также влияние византийской историографии на структуру ранних сводов. Особое внимание уделяется трансформации летописной стратегии в XII веке, когда на смену общерусскому единству приходит областное (феодальное) летописание, отражающее интересы отдельных княжеств.

Ключевые слова: летописание, XI–XII века, «Повесть временных лет», Нестор Летописец, Древняя Русь, Киевский свод, историческая память, летописный свод.

История русского летописания XI–XII веков представляет собой грандиозную попытку самопостижения народа, зафиксированную на пергаменте в период бурного роста и первых трагических расколов Древнерусского государства. Летопись для человека того времени была не просто перечнем фактов, а священной книгой бытия, где за каждым событием — будь то битва, солнечное затмение или рождение князя — виделся промысел Божий. В XI веке, с распространением письменности и укреплением позиций церкви, возникла острая потребность в создании масштабной исторической концепции, которая могла бы вписать Русь в

контекст мировой, священной истории. Стратегия первых летописцев заключалась в поиске ответов на фундаментальные вопросы: «откуда есть пошла Русская земля» и «кто в Киеве нача первее княжити» (1. 233). Именно в этот период сформировался тот особый летописный стиль, который сочетал в себе сухую точность факта с эпической мощью народного предания. Летописцы XI–XII веков были не просто регистраторами событий, а глубокими мыслителями и политиками, формировавшими идеологию единства в условиях нарастающей феодальной раздробленности. Изучение летописных сводов этого периода открывает перед нами лабораторию мысли древнерусского книжника, стремившегося сохранить память о прошлом ради спасения будущего, превращая историю в поучение для потомков.

Зарождение летописания в XI веке неразрывно связано с Киевом и Печерским монастырем, который стал крупнейшим интеллектуальным центром Руси(3. 57). Стратегия первых книжников базировалась на переработке византийских хроник и местных преданий. Самым ранним этапом считается создание Древнейшего свода (около 1037 года), который зафиксировал ключевые моменты правления Владимира и Ярослава Мудрого. Это было время формирования летописного канона, когда история начала обретать строгое хронологическое деление.

Ключевой вехой XI столетия стало создание Начального свода в 1090-х годах, который отразил более сложную политическую реальность (2. 101). Летописец здесь выступает уже не только как историк, но и как моралист, обличающий княжеские усобицы. В этот период в летопись активно включаются фольклорные пласти: легенды о призвании варягов, о смерти Олега от своего коня, о мести Ольги. Эти образы придают летописи уникальный национальный колорит, соединяя книжную мудрость с народной памятью.

Вершиной общерусского летописания стала «Повесть временных лет» (ПВЛ), созданная в начале XII века монахом Нестором. Его стратегия заключалась в придании русской истории всемирного масштаба. Нестор начинает рассказ от библейского разделения земли между сыновьями Ноя, тем самым легитимизируя место славян среди других народов. ПВЛ — это не просто свод, а великая

литературная и философская эпопея, задавшая стандарт исторического мышления на века вперед.

Личность Нестора как летописца-стратега проявилась в его умении синтезировать разные источники: договоры Руси с греками, жития святых, княжеские родословные. Он создал целостную концепцию династического единства Рюриковичей, подчеркивая священный статус Киева как «матери городов русских» (4. 79). В его тексте история Руси предстает как последовательное движение от языческой тьмы к свету христианства, что определяло нравственный вектор развития государства. В XII веке стратегия летописания претерпевает существенные изменения в связи с началом феодальной раздробленности. После смерти Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого единый общерусский летописный поток начинает распадаться на отдельные ветви. Летописание становится инструментом местной политики: каждый крупный центр (Кiev, Новгород, Владимир, Галич) стремится обосновать права своих князей и подчеркнуть значимость своего региона.

Киевское летописание XII века (сохранившееся в составе Ипатьевской летописи) сохраняет традиции ПВЛ, но становится более детализированным и «рыцарским» (5. 112). Оно уделяет огромное внимание княжеским съездам, походам на половцев и личной доблести правителей. Стратегия киевского летописца — призыв к единству перед лицом внешней угрозы, звучащий как запоздалое предостережение в эпоху бесконечных междуусобных войн.

Новгородское летописание XI–XII веков выделяется своей лаконичностью и подчеркнуто деловым стилем. Поскольку в Новгороде сложилась республиканская форма правления, летописцы здесь больше пишут о выборе посадников, строительстве храмов, пожарах и ценах на хлеб, нежели о княжеской славе. Стратегия новгородского книжника — фиксация городской жизни и отстаивание вольностей «Господина Великого Новгорода». Во второй половине XII века на историческую арену выходит Владимиро-Сузdalское летописание (6. 234). Под покровительством Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо формируется новая идеологическая стратегия: перенос центра «всей Руси» на Северо-Восток.

Летописцы этого региона активно подчеркивают преемственность власти владимирских князей от киевских, используя историю для оправдания новых политических притязаний.

Летописный стиль XII века становится более литературным и экспрессивным. В текст всё чаще включаются эмоциональные монологи, молитвы князей, описания их душевных терзаний. Это свидетельствует о психологизации жанра. Летописец уже не просто смотрит на события извне, он пытается проникнуть во внутренний мир героев, оценивая их поступки с точки зрения христианской этики и феодального кодекса чести (7. 129). Завершая разбор, важно отметить материальную сторону летописания: переход от использования дорогого пергамента к более частым записям и развитие каллиграфии. Труд летописца в XI–XII веках был тяжелым монашеским послушанием, требовавшим огромной эрудиции и ответственности. Каждая буква в летописи считалась истиной, а сам процесс письма — служением Истине. Именно это благоговейное отношение к истории позволило древнерусской культуре сохранить свои корни в самые мрачные периоды испытаний.

Подводя итог исследованию истории русского летописания XI–XII веков, мы можем заключить, что в этот период был пройден путь от разрозненных записей до величайших исторических сводов мирового значения. Летописи стали фундаментом национальной идентичности, запечатлев в слове сам процесс рождения и становления Руси. Главный философский итог деятельности древнерусских книжников заключается в создании образа Родины как живого, одухотворенного организма, имеющего свое высокое предназначение в мировой истории. Развернутое значение летописания проявляется в том, что оно выработало особый тип исторического сознания, в котором прошлое всегда связано с будущим узами нравственной ответственности. Летописная стратегия, основанная на поиске правды и единства, помогала народу сохранять духовную целостность даже в моменты политического распада. Тексты Нестора и его последователей стали тем «магическим кристаллом», через который многие поколения русских людей осознавали свою причастность к великой культуре и героической судьбе предков. В

современном мире летописи XI–XII веков остаются не только ценнейшими историческими источниками, но и живыми памятниками литературы, поражающими своей мощью и искренностью. Мы видим, что заложенные в них идеи государственности, законности и духовной преемственности продолжают оставаться актуальными. Изучение летописного наследия помогает нам понять истоки нашего менталитета и почувствовать ту глубокую связь времен, которая делает нас наследниками великой древнерусской цивилизации.

Список использованной литературы:

1. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и comment. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 2-е изд. — СПб. : Наука, 1996.
2. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
3. Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. — СПб. : Типография М. А. Александрова, 1908.
4. Рыбаков, Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 362 с.
5. Насонов, А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века / А. Н. Насонов. — М. : Наука, 1969.
6. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков : в 2 т. / Л. В. Черепнин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1951.
7. Кузьмин, А. Г. Русское летописание XI–XVIII веков : учебное пособие / А. Г. Кузьмин. — М. : Логос, 2006.